

Издательский дом Высшей школы экономики
МОСКВА, 2015

ISBN 978-5-208-01700-8

БКК 00
ДКК 3

Важнейшим элементом культуры является язык. Язык — это не просто средство коммуникации, это способ мышления, способ познания мира. Язык формирует нашу картину мира, наше понимание реальности. В этом смысле язык — это культура. Язык — это то, что делает нас людьми.

А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева
Составители и ответственные редакторы

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ ИСТОРИИ ДИСЦИПЛИН

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований
имени А.В. Попова

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 3
ББК 60
НЗ4

Текст монографии подготовлен при финансовой поддержке программ фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011–2013 гг.

Рецензенты:

доктор философских наук, главный научный

сотрудник Института философии РАН Н.С. Автономова;

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории дискурса и коммуникативной филологии факультета МГУ Т.Д. Венедиктова

Науки о человеке: история дисциплины [Текст]: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 651, [5] с. — 300 экз. — ISBN 978-5-7598-1209-8 (в пер.).

Коллективная монография посвящена анализу проблематики дисциплины истории, которая в XXI в. вновь активно привлекает внимание исследователей. В книге по-новому освещены вопросы ответственности в гуманитарных и социальных дисциплинах, перепросмотрены фундаментальных и прикладных сфер в этих областях, обмен идеями и концептуальными моделями между различными научными сообществами. Авторы исследования — ученые из России, Франции, США, Швеции и других стран — всесторонне раскрывают проблемы истории и социологии гуманитарных наук, обращаясь к мало изученным ранее вопросам академической иерархии и механизмам вытеснения «миноритарных» направлений, явным и теневым практикам закрепления приоритета тех или иных дисциплин и школ.

Издание адресовано широкому кругу исследователей — историкам, социологам, филологам, культурологам, сциентистам по науковедению, истории науки и истории идей, а также преподавателям высших учебных заведений и студентам гуманитарных специальностей.

ISBN 978-5-7598-1209-8

© Национальный исследовательский

университет «Высшая школа экономики»,

Институт гуманитарных историко-

теоретических исследований, 2015

© Оформление. Издательский дом

Высшей школы экономики, 2015

Приложение ©

WarburgInstitute, 1950

© Duke University Press, 1999

Глава 10 © Duke University Press, 2013

Глава 11. А. Ясницкий. Дисциплинарное становление русской психологии первой половины XX в.	299
Глава 10. И. Герасимов, М. Мосгульнер, А. Семёнов. Российская социология в имперском контексте	263
Глава 9. Г. Юдин. Научное учение Эдмунда Гуссерля и кризис теории разделения наук	240
Глава 8. М. Тиссе. Высококачественная дисциплина, неясная наука: теория и практика российского правоведения в конце XIX в. — начале XX в.	207
Глава 7. В. Березович. Морфология зачина: жанр предисловия к очерку русской истории (от Латищева к Баталю)	187
Глава 6. В. Боряченко. Наука русских древностей в первой половине XIX в.	157
Глава 5. П. Резвиц. Мифология как предмет и дисциплина в романтической Altertumswissenschaft	124
Глава 4. Л. Дагтон. Дисциплинаривание знания: академии и единство знания	105
РАЗДЕЛ II. Золотой век дисциплинаривания	103
Глава 3. Н. Осминская. Всеобщая наука, энциклопедия и классификация наук в ранней философии Г.В. Лейбница	74
Глава 2. Ю. Иванова. «История идей» и «гражданская наука»: границы дисциплинарности в раннее Новое время	53
Глава 1. П. Соколов. Генеалогия метода в науках об историческом мире	41
РАЗДЕЛ I. Порядки и структуры знания: от гуманизма к Просвещению	39
Глава 7. Введение. А. Дмитриев. Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках	7
СОДЕРЖАНИЕ	

Глава 12. А. Филитов. Советская социология как политейская наука.....	330
Глава 13. Р. Томпсон. Дисциплины и специалисты в практических профессиях и в исследовательской деятельности (ок. 1850–1940 гг.).....	349
РАЗДЕЛ III. «После дисциплин» или новая дисциплинарность?.....	
Глава 14. Г. Юдин. Социология профессий и социология как профессия.....	375
Глава 15. В. Степанов. «Как беззаконная комета...»: культурные исследования в поисках академической идентичности.....	389
Глава 16. И. Савельева. Публичная история: дисциплина или профессия?.....	421
Глава 17. В. Фаер. Академический сепаратизм: лингвистика и языковедение в Московском университете.....	452
Глава 18. М. Демин. Дилемма профессии: советские институты и современная университетская философия в России.....	483
Глава 19. Р. Канетонников. Стратегии поведенческой экономики.....	508
Глава 20. О. Курчик. Транснациональные нерапии и локальные порядки знания в экономике.....	543
Глава 21. А. Дмитриев, О. Занорожец, Дисциплинарный принцип и аналитика «общества знания».....	569
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. А. Дмитриев.....	600
ПРИЛОЖЕНИЕ. А. Момильяно. Древняя история и любители древностей (1950).....	604
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	649

1 В корпусе текстов по исследованию академических профессий, прежде всего, стоит выделить коллективную монографию под редакцией Вертона Кларка, обобщающую опыт дифференциации академических профессий XIX и XX вв. (The Academic Profession: National, Disciplinary, and Institutional Settings / B. R. Clark (ed.). University of California Press, 1987.) Анализ современных трансформаций академических профессий в странах БРИК и США посвящена работа: The Global Future of Higher Education and the Academic Profession: The BRICs and the United States / P. G. Altbach (ed.). [L.]: Palgrave Macmillan, 2013. Кроме этого, важно отметить исследования, концентрирующиеся на изучении их исторического генезиса и структуры в рамках отечественных государств и регионов: Cocks G., Jantsch K. German Professions 1800–1950. Oxford: Oxford University Press, 1990; Perkin H. The Rise of Professional Society...; Kimball B. A. The "True Professional Ideal" in America: A History. Lanham: Rowman & Littlefield, 1996; Engel A. The Emerging Concept of the Academic Profession at Oxford, 1800–1854 // University in Society /

* Глава подготовлена в рамках проекта по гранту Российского гуманитарного научного фонда (РНФ) «Институциональная история философии: формирование профессиональной философии в немецкой институциональной среде XVIII–XX вв.» 12-03-00451(a).

Вторая половина XIX в. — период становления и дифференциации соответствующих академических профессий, когда корпоративные отношения представителей университетов и академий начинают регламентироваться правилами, установление которых в существенной степени определяется национальным (региональным) контекстом.

Ученых, преподавателей, литераторов, судей и медиков обычно называют людьми свободных профессий. Эффективность труда представителей этих профессий сложно оценить человеку, не обладающему соответствующим образованием. Самым простым способом для стороннего наблюдателя убедиться в их квалификации — положиться на значимость выданных специалистами сертификатов, довериться их репутации среди профессионалов. Но свобода и власть такого сообщества не безграничны. История развития профессии демонстрирует сложные и порой конфликтные отношения как внутри соответствующих групп, так и их самих — с обществом и государством.

ДИЛЕММА ПРОФЕССИИ: СОВЕТСКИЕ ИНСТИТУТЫ И СОВРЕМЕННАЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ*

Одной из первых стран, где процесс профессионализации затронул философское сообщество, была Германия. Реализация гумбольдтовской модели университета превратила университетских философов из интел-лектуалов широкого профиля в достаточно узких специалистов. Профес-сионализация философского знания, предопределяющая организационные модели университетских философских факультетов, привела к существенной тематической и структурной перестройке знания, состоявшей во все более усложнявшейся систематической профессиональ-ной подготовке, в появлении новых жанров, стабилизации исследований-ских пиков. Раннюю романтическую критику Шеллинга в адрес факуль-тетов, обучающих хлébным профессорам, Шпенглер обращает на сам философский факультет — университетская философия представляется ему ремеслом, тогда как настоящая философия уподобляется «альпийской розе и эдельвейсу», поэтому преуспевать она может лишь «на свободном горном воздухе»¹.

Различия институционального контекста формирования профессии определяют существенные особенности этого процесса в рамках нацио-нальных или региональных границ. Своеобразие образования философиче-

L. Stone (ed.). Vol. 1: Oxford and Cambridge for the 14th to the Early 19th Century. Princeton: Princeton University Press, 1974. P. 305-352.

² Амбивалентность процесса профессионализации научного знания, хогитис, замкнута, на-примере американской дискуссии 1960-х годов вокруг переопределения социологии в академи-ческой профессии. Анализ этого случая см. в главе «Социология профессий и социологии как профессии» данной монографии.

³ Шпенглер А. Об университетской философии // Шпенглер А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М.: ТЕПРА — Книжный клуб; Республика, 2001. С. 106.

⁴ Там же. С. 119.

ной политики государства, особенностей академических сообществ, различных социальных ожиданий со стороны общества в разных странах делают представителями одной дисциплины непохожими друг на друга. Правила современных философских сообществ во Франции, Германии, США или России, несмотря на сходство в целом, имеют определенные отличия. Включение и анализ специфики организации философского сообщества должны заставить исследователя изменить методологию изучения истории философии и разработать нейтральный язык описания текущего состояния сообщества, позволяющий раскрыть связь особенностей устройства данного сообщества с исследователями и интересами его членов.

Цель данной главы — проследить, как на протяжении последних 20 лет изменялся ландшафт философской профессии в России; насколько эти изменения повлияли на самоидентификацию специалистов философов. Речь пойдет об организационно-административных и корпоративных, а также историко-показательных профессиях философов, а критериями, которыми (меняющиеся место историко-философской проблематики, труднов по философии науки, эпистемологии и дискуссии внутри этих сообществ) в данной работе сознательно оставлены автором в стороне.

Исследование современного философского сообщества требует анализа паттернов профессии, сложившихся в советское время. В конце 1990-х годов Николай Плотников подробно описал институциональный контекст советской философии в исследовании «Философия в России: тенденции и перспективы». Главные результаты этой работы были опубликованы на русском языке в 2001 г. в журнале «Логос». В статье «Советская философия: институт и функция» Плотников утверждал, что «вторичная институционализация», т.е. процесс дифференциации философии по субдисциплинам, распределенным по многочисленным формам научных учреждений, характерный для советской философии после 1960 гг., в условиях культа критики 1990-х сменился процессом депрофессионализации. Работая в русле концепции Н. Плотникова, полагаю необходимым уточнить периодизацию становления дисциплины ландшафта советской философии и проследить попытку показать, что становление базовых для современного философского сообщества правил необходимо отнести к 1940-м годам; в са-

⁵ Gethmann C.F., Plotnikov N. Philosophie in Kubland. Tendenzen und Perspektiven. Bad Neuenahr-Ahrweiler: Europäische Akademie zur Erforschung von Folgen wissenschaftlich-technischer Entwicklungen, 1998.

⁶ Плотников Н. Советская философия: институт и функция // Логос. 2001. № 4 (30). С. 106-114.

мом же его историческом развитии можно выделить три крупных периода. На первом, «волюнтаристском», или сталинском, этапе (1940–1953 гг.), где последнее слово оставалось лично за Сталиным, создавались основы системы; второй — административно-командный, или централизованный, — этап (1953–1989 гг.) характеризуетя конструированием экстраполицейской системы. Третий — административно-рыночный — этап (1989–2010 гг.) связан с приспособлением унаследованной инфраструктуры к расширяющемуся спросу на высшее гуманитарное образование. Оттапливаясь от представлялений о том, что вторичная дисциплинарная функция является одной из главных черт советской философии, в попытках доказать гипотезу, что именно она оказалась главным фактором сдерживания профессиональной философии от разрывания в постперестроечный период. Однако одним из следствий этого стала деинституционализация философии в рамках национальной системы образования и науки. Особенности развития университетов в 1990-х годах привели к росту численности университетских философов, поставив их перед дилеммой: соблюдать сложившиеся конвенции или радикально пересмотреть основы своей собственной профессии.

1. Философия как кафедральная наука, или становление философских факультетов в СССР

В институциональном плане ландшафт философской профессии делится на две территории: протранство университетской философии, представляющее изучение студентов, и поле философии при исследовательских центрах, возможность работы в которых представляла, прежде всего, Академия наук СССР. Логика разных прав и требований к занимаемым должностям накладывалась на разный институциональный вес конкретных учреждений. В связи с этим возникает необходимость проследить связь между становлением профессиональных норм философского сообщества и историей развития конкретных организаций, в которых работали его представители.

Вопрос о точке отсчета, с которой нужно вести становление профессиональных норм советских философов, — это вопрос их преемственности по отношению к организационным формам дореволюционного философского сообщества. Место философии в российских университетах существенно образом отличалось от положений этой дисциплины в немецко-язычных университетах. Философский факультет центрально-европейских университетов, наследуя еще средневековую традицию подготовки высшего факультета, в XIX в. стал ареной для развития всех научных дисциплин.

7 Schwings R. C., Stüder B. *Artisten und Philosophen. Wissenschafts- und Wirkungsgeschichte einer Fakultät vom 13. Bis zum 19. Jahrhundert*. Basel: Schwabe, 1999.

411-201 С

Философский факультет Московского университета, существовавший с момента его основания в 1755 г., упраздняется уставом от 1804 г. Реорганизация высшего образования начала XIX в., учреждавшая сеть университетов, предполагала разделение «научного факультета» на два отделения: отделение нравственных и политических наук и отделение физических и математических наук. С принятием следующего устава в 1835 г., вероятно с олимпиадой на немецкую традицию, два отделения реорганизируются и получают «зонтичное» название философского факультета. Однако уже в 1850 г. философский факультет упраздняется, а включенные в него отделения продолжают самостоятельность, превращаясь в историко-филологический и физико-математический факультеты.

Пертурбации, связанные с реорганизациями философского факультета, отражают неясный статус философского знания. Кафедра философии относилась то к нравственным и политическим наукам, то к историко-филологическим, и уже по своему структурному положению не могла претендовать на обеспечение методологического единства наук. Нет ничего удивительного, что кафедру философии можно было изъять из состава университета на целое десятилетие, с 1850-х по 1860-е годы.

В начале XX в. положение философии в университете начинает меняться. Так, в 1906 г. на историко-филологическом факультете Московского университета появляются «учебный план по группе философских наук»⁸. Революция 1917 г. резко изменила ситуацию в университетах. Первое десятилетие для гуманитарных наук характерно поспешной реорганизацией, часто предполагающей разделение исследовательских и преподавательской и исследовательской деятельности. Следствием этого стали минимизация контактов исследователей со студентами, что имело политическое значение, и упрощение организационных механизмов новых исследовательских центров. Так, созданный в начале 1920-х годов Институт красной профессуры в 1938 г. был, по сути, поглощен новой структурой — Высшей школой марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), которая, в свою очередь, в 1946 г. была преобразована в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Созданная в первые годы Советской власти Социалистическая академия общественных наук (уже в 1919 г. она была переименованная в Академию общественных наук) — в Коммунистическую академию),

⁸ Анализ специализации гуманитарного образования на примере исторической дисциплины см.: Перковская Л. А. Развитие исторического образования в университетах России во второй половине XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ставрополь, 2005.

⁹ Павлов А. Т. Философия в Московском университете. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2010. С. 201–223.

В 1936 г. поощряется Академии наук СССР¹⁰. Реформы и централизация привели к тому, что главной организацией в области философии стал учебно-научный институт философии Академии наук СССР. Структура института философии представляла систему секторов — подразделений, которые, в свою очередь, могли внутри разделяться на так называемые группы. Состав и количество секторов и групп в период с 1936 по 1957 г. были динамичными и могли меняться почти каждый год. Общая тенденция, однако, заключалась во все большей дифференциации структурных элементов организации с последующей ее стабилизацией. В результате количество секторов выросло с пяти (1936 г.) до девяти секторов и четырех групп к 1957 г.¹¹

Университетские дисциплины, репрезентирующие связь с античным наследием, к которым можно отнести философию и филологию, в наибольшей степени пострадали в годы «культурной революции». Появление философии в советских университетах совпало с позднесталинским возвращением к имперской стилистике, способствовавшей оживлению интереса к «классическим» дисциплинам¹². Вероятно, план по созданию философских факультетов в структуре центральных университетов следует отнести к рубежу 1930–1940-х годов. Создание подразделений, ведущих специализированное обучение философии, можно объяснить желанием ввести массовое преподавание обществоведческих предметов на разных уровнях системы образования (в частности, это касается включения в качестве обязательных школьных предметов логики и психологии — идеи, приписываемой лично Сталину¹³). Начавшаяся война внесла коррективы в сроки реализации проекта, растянув его исполнение на десятилетие.

¹⁰ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) 1922–1952 / сост. В. П. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. С. 216–224.

¹¹ В 1936 г. существовали следующие секции: истории философии, исторического материализма, диалектического материализма, философии естественных, истории религии и атеизма, в 1956 — секторы: диалектического материализма, исторического материализма, эстетики, истории философии, современной буржуазной философии и социологии, атеизма, философских вопросов естествознания, психологии. Последовательность сохранена. АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. <<http://isaran.ru/?q=ru/ops&kda=1&guid=62B8A911-6C99-D863-77DE-6C7E3E3F6A72DE>>.

¹² *Возвращение* К. А. Гуманитарий — где, когда и почему: социометрия и (русский) язык // Новое литературное обозрение. 2006. № 5. С. 18–29.

¹³ О том, что идея преподавания логики в школах принадлежала лично Сталину, косвенно свидетельствует рассказ о том, как в 1941 г. философ В. Ф. Асмус был вызван лично к Сталину, где ему было поручение написать учебник по логике (Смирнов В. А. Воспоминания об В. Ф. Асмусе // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 46; *Важное В. А.* Партия и логика. К истории одного судьбоносного постановления ЦК ВКП(б) 1946 года // Логические исследования. Вып. 12. М.: Наука, 2005. С. 32–48).

Первый философский факультет возникает в Ленинградском университете. Он открывается в 1940 г. в результате преобразования философского отделения, созданного годом ранее на базе исторического факультета. Вслед за ним появляется философский факультет в Московском университете, в то время эвакуированном в Алхатад. Новое подразделение учреждается 25 декабря 1941 г. Факультет создается в результате объединения и последующей реорганизации философского факультета Московского института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского (МИФИЛ) и кафедр философии исторического факультета. Философский факультет Киевского университета открывается в освобожденном от фашистских войск городе в 1944 г.¹⁴

4 декабря 1946 г. решением ЦК ВКП(б) вводилось преподавание логики и психологии в средней школе. В соответствии с этим в 1947/1948 учебном году логика и психология были преподаваться в 200 школах крупных городов. Проблема с кадровым обеспечением специально оговаривалась авторами постановления:

В целях подготовки высококвалифицированных преподавателей психологии и логики для университетов и педагогических институтов предложено министру высшего образования СССР, директору Института философии Академии наук СССР и президенту Академии педагогических наук РСФСР довести не позднее октября 1947 г. контингент аспирантов: по психологии — до 100 человек, из них в Институте философии Академии наук СССР — до 20 человек, в Академии педагогических наук РСФСР — до 30 человек; по логике — до 50 человек, из них в Институте философии Академии наук СССР — до 20 человек, на философских факультетах университетов — до 30 человек.¹⁵

Предсказываемые количественные показатели говорят о существовании иерархии образовательных институций, на вершине которой располагался академический Институт философии. Кроме того, о «патерналистском» статусе философского подразделения Академии наук (относительно университетских кафедр) говорит и тот факт, что в университете не было открыто ни одной кафедры, название которой не соответствовало бы названию сектора или группы Института философии.¹⁶

¹⁴ *Луберский Л.В.* Генеза философских студий у Киевському університеті. 2-е вид. Київ, 2010. С. 239–260.

¹⁵ О преподавании логики и психологии в средней школе. Постановление ЦК ВКП(б) // Ученая газета. 1946. Декабрь 4. № 55 (3184). С. 14.

¹⁶ Об истории института см.: Наш философский дом. К 80-летию Института философии РАН. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

Открывшись факультеты структурно мало отличались друг от друга. В их состав входили кафедры логики, диалектического и исторического материализма, истории философии и отделение психологии. Допускались лишь небольшие различия: в частности, в 1943 г. в столичном университете открылась кафедра истории русской философии, а в Ленинграде и Киеве некоторое время существовали кафедры педагогики. С 1953 г. чтения курсов диалектического и исторического материализма становятся обязательными для студентов и аспирантов всех специальностей. Это приводит к созданию специализированных кафедр: в университетах, имеющих филиалы кафедр философии, это кафедры философии для естественных и гуманитарных факультетов, в остальных вузах создаются общепуниверситетские кафедры философии.

Следующий этап институционального развития философии представлял собой контролируемое масштабирование программ, созданной в предыдущие годы. Ярким примером является история развития так называемых Университетов марксизма-ленинизма, фактически представляющая собой курсы при региональных комитетах КПСС. Число таких университетов, учрежденных в 1938 г., к 1956 г. достигло 288 с общим числом слушателей 149 тыс. человек. В течение последующих 20 лет их число еще увеличилось и достигло в 1974/1975 учебном году 352. Одновременно в них обучалось около 334 тыс. слушателей¹⁷.

Расширилась география вузов, в состав которых входили философские факультеты. Так, к трем существующим прибавились еще два факультета: в 1966 г. философский факультет был открыт в Свердловском университете, в 1970 г. — в Ростовском¹⁸. Траектория организации и развития новых философских факультетов в период с 1960-х до конца 1980-х годов может быть описана как приобретение организационных прав (путем создания кафедр) на преподавательские и исследовательские ресурсы. Преобразование, как проходило оформление новых подразделений, дано воспоминаниями из вестного ленинградского философа М. С. Катана:

¹⁷ См.: Вилкова В. Г. Идеологическая работа КПСС в условиях развития социализма (некоторые вопросы теории и практики). М., 1977; *Ненатов М. Ф.* Мейн-воспитательная работа КПСС: особенности, опыт, проблемы. М., 1980; Университеты марксизма-ленинизма // *Большевик*. 1977. № 2. Т. 27. / А. М. Прохоров (гл. ред.). 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1977. С. 21.

¹⁸ Информации о кафедральном развитии философских факультетов преимущественно взята с сайтов соответствующих факультетов, а также в следующих изданиях: Философский факультет РГУ: история и современность: сб. науч. трудов филос. ф-та Ростовского гос. ун-та. Ростов н/Д: Изд-во СКНП ВШ, 2002; Философский факультет. 1940–2005: Кафедры. Доктора наук, профессора. Воспоминания / под ред. Ю. Н. Соколова. СПб., 2005. Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова: страницы истории / под ред. А. В. Козырева. М.: Изд-во МГУ, 2011.

В 1960 г. будучи деканом кафедры истории искусства философского факультета нашего университета, я получил от нового декана философского факультета Василия Лавловича Рожина приглашение перейти на создававшуюся кафедру этики и эстетики; возглавить ее лежан поручил молодому доценту от-деления психологии Владимиру Георгиевичу Яванову, предложив ему освоить новую дисциплину — этическую теорию, поскольку специалистов в области этики в то время в городе еще не было. Несмотря преподаватель этики в Ленинграде уже работал, в том числе и присланные из Москвы для укрепления «идеологического фронта» выпускники Академии общественных наук.¹⁹

Особенность развития факультетов лишь в последовательности от-крытия кафедр, что связано с лоббистскими возможностями и амбициями административных вузов; так, например, в ИГУ кафедру этики и эстетики ор-ганизовали в 1960 г., на два года опередив открытие аналогичной кафедры в МГУ; кафедра же истории и теории атеизма открывается в ИГУ спустя 17 лет после того, как это было сделано в Москве. Такое отставание было вызвано главным образом процессом переформирования философского факультета и представительствами партийной структуры. М. М. Шахнович, ныне заведующая кафедрой философии религии и религиозноведения философско-го факультета СПбГУ, дочь советского религиоведа и философа М. И. Шахновича, так описывает последовательность событий, участвующим которых был ее отец: «Когда пришло указание, чтобы была в Ленинграде создана ка-федра научного атеизма, обком обратился в университет. Университетское руководство хотело, чтобы кафедрой заведовал Шахнович, но обком не раз-решал. Университет упорствовал. В итоге в Ленинградском университете кафедру не открыли, кафедра появилась в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена».²⁰

В целом структура новооткрывшихся факультетов воспроизводила устройство уже существующих. Однако меньшие интеллектуальные и ма-териальные ресурсы не позволяли достичь полного подобия. Как правило, кафедры объединяли две дисциплины. Так, в Свердловском университете в 1966 г. открывается кафедра эстетики и научного атеизма, на философском факультете Ростовского университета в 1973 г. создается кафедра логики, этики и эстетики. Внутренний порядок всех пяти факультетов воплощал матрицу, сформированную в эпоху позднего сталинизма, и отражал опре-деленное понимание философии как отраслевого целого. Это означало, что

¹⁹ Цит. по: Коряев А., Армеева А. Сергиевский мир. Как возник и умер советский научный атеизм // Лента.ру (2013). Выст. 9). <<http://lenta.ru/articles/2013/08/09/atheism/>>

²⁰ Цит. по: Коряев А., Армеева А. Сергиевский мир. Как возник и умер советский научный атеизм // Лента.ру (2013). Выст. 9). <<http://lenta.ru/articles/2013/08/09/atheism/>>

все необходимые знания уже содержались в курсах по диалектическому историческому материализму, функции же кафедральной науки состояли лишь в детализации отдельных областей знания.

Кафедральные принципы организации философского факультета преподавали высокую степень специализации преподавательской и исследовательской деятельности, так как кафедра, за которой закреплялось чтение определенного цикла предметов, оказывалась вышестоящим подразделением факультета. Структурная организация факультетов советских университетов имела свои особенности и отличалась от моделей других университетов, также организованных по кафедральному принципу. Согласно определению, данному в «Положении о высших учебных заведениях СССР» от 1969 г., «кафедра является основным учебно-научным структурным подразделением высшего учебного заведения (факультета, факультета), осуществляет одну или несколько родственных дисциплинам, воспитательную работу среди студентов, а также подготовку научно-педагогических кадров и повышение их квалификации»²¹. Предписанный кафедрой функционал предполагал, что научную подготовку нового поколения исследователей можно осуществлять исключительно в рамках существующей на факультете кафедральной специализации. Таким образом, кафедры оказывались в центре университетской науки, а их организационные границы становились внутренними дисциплинарными барьерами. Завершающим этапом формирования специалиста на кафедре (уже на этапе постдипломной подготовки) выступала подготовка и защита им в рамках кафедральной специализации диссертационного исследования, тема которого должна была соответствовать не только профилю кафедры, но и он и она и закреплённой за ней специальности общего списка номенклатуры.

Идея списка научных специализаций связывала организацию советской науки с дореволюционной традицией. Реформативная и административная классификация научных дисциплин была введена в России ещё в начале XIX в. «Положение об испытанных на звание действительного студента и на ученые степени» (1819). «Положение» определяло науки, по которым могли присваиваться ученые степени, и устанавливало единый порядок их получения²². На протяжении XIX в. список номенклатуры изменялся 3 раза,

²¹ Постановление Совета министров СССР от 22.01.1969 № 64 «Об утверждении Положения о высших учебных заведениях СССР». Текст публикуется по: <<http://base.consultant.ru>>; этот же текст вошел в словарную статью «Высшие учебные заведения» Большой советской энциклопедии.

²² См. подробнее: Вишнякова Е.А., Ивина К.А. Об ученых степенях, и о том, как диссертация в России обрела научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013. Т. 122. № 4. С. 84–107.

менялись границы возможностей университетов определять особенности процедур и норм присуждения квалификации²³. Возврат к отмененной структуре революции системы состоялся в 1934 г. За советский периодomenclatura изменялась 14 раз, а после распада Советского Союза еще 4 раза. Проблема определять специальности переходили от одного ведомства к другому. И хотя некоторые представлятели факультетов могли входить в число экспертов, имеющих формальные и неформальные рычаги влияния, в целом факультеты были пассивными субъектами проводимой политики. В 1957 г. все специальности получили статус специальности в рамках статистической науки, осуществляемые в рамках статистической науки, в последующем дополняются техникокриминальными специальностями прошлого века. С 1957 г. все специальности получили статус специальности, а указание специальности на авторферате становится обязательным. Две вымы цифры номера обозначали специальность. Таким образом, каждой специальности присвоен собственный порядковый номер. На сегодняшний день средний философских специальностей насчитывается 14 таких подразделов; номера, закрепленные за субдисциплинами, которые со временем были отнесены к другим отраслям знания или, как в случае со специальностью 09.00.02 — теория научного коммунизма, просто изъяты, остаются пустыми, не прерывая целостность всей нумерации специальностей.

Умение определить, к какой специальности относится то или иное диссертационное исследование, становится «местом силы» профессионалов; значимым профессиональным навыком, от наличия которого может зависеть судьба диссертации как на стадии написания работы (ведь специальность во многом определяет выбор темы диссертации), так и на всех этапах подготовки ее к защите. В частности, диссертационный совет в лице избранной экспертной комиссии не может отказать в приеме диссертации к защите на основании несоответствия выполняемой работы заявленной специальности или же той специальности, по которой диссертационный совет имеет право проводить защиту. Регулирование соответствия подготавливаемых

²³ Такой анализ проведен по нескольким дисциплинам, например, по юридическим наукам (Валева Л.С., Муранов А.И. Отечественная история нормативной регламентации номинации специальностей научных работников к юриспруденции // Правоведение. 2008. № 5. С. 243–259) и по истории (Журавлева И.А. Эволюция специальностей научных работников по историческим наукам в России (1819–2001 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 61. С. 321–325). Кроме этого, см.: Иванова А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. — 1917 г. М., 1994; Присуждение ученых степеней в РСФСР и СССР: полное собрание нормативных правовых актов (1917–1961) / сост. А.Н. Якушев, Ставрополь, 2006.

диссертаций установленным специальностям осуществляется через кафедральную систему, организованную по тому же принципу, что и распределение специальностей. Связка кафедрального устройства образовательного процесса с регулируемым государством набором научных специальностей делает внутридисциплинарные области предметными и самодостаточными, в то же время объединяя их в единое целое как институционально-образовательное образование. Таким образом, сложившаяся в советское время и укрепившаяся в постсоветский период организационная модель производства и воспроизводства философского знания сыграла важную роль в сохранении философии как дисциплины в условиях разрушения всей марксистско-ленинской традиции. Философские факультеты советских университетов не имели аналогов в структуре предшествующих им императорских университетов. Однако новая организация преподавания философии замещала некоторые элементы дореволюционной философской традиции. Во-первых, это можно наблюдать в предметной организации философского образования. В частности, учебные пособия по логике и психологии для средних школ, по которым осуществлялось преподавание в первые годы после восстановления этих предметов, были просто переизданием дореволюционных учебников²⁴. Во-вторых, наличие обязательного курса для всех направлений обучения также имело место в практике дореволюционного университета. Чтение базового курса по философии для студентов историко-филологических факультета (а в некоторые периоды в ряде университетов — и для всех направлений), составляло существенную часть нагрузки студентов кафедр философии императорских университетов. В этом отношении философия была похожа на курс богословия, члывавшийся силами административной кафедры в обязательном порядке всем студентам. Задача массового преподавания курса, одной из главных целей которого было формирование не только общего мировоззрения, но также конформизма и терпимости к идеологическим кншше, осуществляется кафедрой философии (или диалектического и исторического материализма), часто вынесенной за рамки философского факультета и имеющей организационную автономию.

Положение философского факультета в советских университетах структурно напоминало положение философского факультета в Гумбольдтовской университетской модели. Претензия философии определять эпистемологию и ценностные методологии частных наук и координировать их единство в контексте немецкой университетской науки обернулась борьбой за эман-

²⁴ Подробнее о преподавании психологии в средней школе в Российской империи см.: Ford A. Psychology at High School in Late Imperial Russia (1881–1917) // History of Education Quarterly, 2008, Vol. 48, No. 2, P. 265–297.

26 Доклад В. Миронюкова на заседании Президиума Учебно-методического совета по философии и религиоведению от 14 декабря 2011 года: <http://new.philos.msu.ru/dep/chno/resheniya_tms/zasedanie_prezidiuma_tms_14_dekabrja_2011_goda/> (дата обращения: 01.10.2013).

25 Kasch M. *Psychologism: A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge*. L.: Routledge, 1995; Куренной В. Психологизм и его критика Эммуэлом Луссерлем // Логос. 2010. № 5. С. 166–182.

Идеологическое давление на философское сообщество существовало не только в России. Богатая традиция осмысления академической свободы ды не смогла уберечь немецкое сообщество от катастрофы 1930–1940-х годов. В отличие от своих восточногерманских коллег, советские философы не прошли через процедуру перестройки. Более того, в отличие от целого поколения восточно-немецких философов, которые были вынуждены оставить профессию, для тех российских философов, которые наладили свою карьеру еще в Советском Союзе, открылись новые карьерные возможности. Несмотря на дискрептанцию марксистско-ленинской философии, потерю философией статуса и геологически значимого знания и низкие заработки во всех академических профессиях, количество членов философского сообщества не только не сократилось, а наоборот, наблюдался стремительный рост численности профессиональных философов. Согласно статистике, представляющей на заседании Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию, с начала 90-х годов количество вузов Российской Федерации, осуществляющих подготовку студентов по направлению «Философия», увеличилось почти в 10 раз, с 5 до 47²⁶. Экстен-

2. Институциональная ловушка постсоветской философии

В начале 1980-х годов принципиально изменил ситуацию в этой области философских наук был принятый и предсказуемый, и поэтому отказ от контроля в этих жестких административного контроля все действия философов-профессоров было поняты и предсказуемы, и поэтому отказ от контроля в исследованиях программ, а разрастающаяся кафедральное устройство позволяло относительно безболезненно дифференцировать знания. В условиях управления наукой «сверху» не допускало открытой конкуренции отнесенные частные дисциплины с общей теорией знания и мироустройства. советской системе так же, как немецкая философия XIX в., предполагала социальную конкуренцию программ, самым ярким примером тому может послужить случай с психологией²⁵. Философия в советской университетской системе так же, как немецкая философия XIX в., предполагала социальную конкуренцию программ, самым ярким примером тому может послужить случай с психологией²⁵. Философия в советской университетской системе так же, как немецкая философия XIX в., предполагала социальную конкуренцию программ, самым ярким примером тому может послужить случай с психологией²⁵. Философия в советской университетской системе так же, как немецкая философия XIX в., предполагала социальную конкуренцию программ, самым ярким примером тому может послужить случай с психологией²⁵.

сильный рост в условиях кризиса легитимности прежней партийной философии и ограниченности ресурсов, затрачиваемых на повышение квалификации и академическую мобильность, стал вызовом для философов философии. Начиная с 1989 г. меняется принцип формирования кафедральной системы философских факультетов. В отличие от предыдущих периодов — стalinского и административно-командного — можно говорить о нескольких стратегиях развития факультета. На примере самого большого философского факультета в России — философского факультета Московского университета — ясно прослеживаются три пути: 1) кластеризация и последующий выход из состава факультета нескольких социальных дисциплин; 2) появление новых кафедр и специализаций философского факультета; 3) переименование (ребрендинг) имеющихся на факультете кафедр. Кафедральная система постсоветских факультетов была достаточно эластична, а руководство университетов и факультетов было заинтересовано в открытии новых позиций, так как это позволяло наращивать организационные мощности и при сравнительно невысоких затратах на профессорско-преподавательский состав обучать большее количество студентов. Кластеризация социальных дисциплин проходила еще в советское время. Наиболее показательно в этом отношении развитие философского факультета МГУ. Так, кафедра психологии уже в 1947 г. превратилась в отделение, а затем в 1966 г. и в факультет; некоторые из созданных в конце 1960-х и в 1970-е годы кафедр позже образовали блоки «социологических» кафедр, уже в 1984 г. составивших отделение социологии (в 1989 г. превратившееся в социологический факультет), и «политологических» кафедр, вышедших в отдельные факультеты только в 2008 г.

Кафедральное устройство представляло инструменты, позволяющие довольно легко институционализировать новые исследовательские программы. Новые дисциплины, в зависимости от востребованности их образовательных программ, могли сравнительно легко реализовать свои «сепаратистские» стремления²⁷. Ярким примером превращения широкой рамки исследований в хорошо институционализированный дисциплину является культурология. В период наиболее последовательного осуществления идеологической дискретизации советской философией философия, но в рамках философского образования была преобразована альтернатива. На сайте кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ так описываются мотивации ее отпов-основателей:

²⁷ См. описание общей ситуации на начало 2000-х годов: Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: Аналитический доклад / под ред.-сост. Л.Л. Ионина. М.: Логос, 2003.

³⁰ Паспорт специальности 09.00.13 «Религиоведение, филологическая антропология, филология культуры». Лит. по: <<http://dbs.sfsu.ru/tsu/ps/09.00.13.htm>>.

²⁹ В такой реакции специализация существовала лишь некоторое время, сейчас специализация разлежена: 09.00.13 «Филологическая антропология, филология культуры», 09.00.14 «Философия религии и религиоведение».

²⁸ Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Направление подготовки «Культурология: история». Лит. по: <<http://new.philos.msu.ru/section/cultura/history/>> (дата обращения: 01.10.2013).

Кафедра Истории и теории мировой культуры филологического факультета МГУ — одна из первых в России культурологических кафедр — возникла в 1990 г. в обстановке интенсивных реформ высшей школы, когда историческая ситуация открывала реальные возможности для прихода или возвращения в Уни-верситет лучших сил российской гуманитарной науки. Программа реформ включала в себя замысел создания дисциплины, которая смогла бы интегрировать гуманитарные «ощущательские» ценности и тем самым занять в высшем образовании место «идеологических» дисциплин. Таким образом, возникло новое весьма жизнеспособное направление, за которым закрепилось название «культурология»²⁸.

Создание новой дисциплины, противопоставленной деформирован-ным идеологическим давлением «старым» наукам, оказалось проще норма-лизацией работы в уже имевшихся областях знания.

материализма получила название кафедры теоретической философии, кафедра исторического материализма стала называться кафедрой социальной философии, кафедра истории религии и религиозоведения. Кафедр, призванная изучать ответственную философию традиции с 1955 г., отражая реалии эпохи дружбы народов, и носившей название кафедры истории философии народов СССР, после разгрома Второй мировой войны наименования — кафедр русской философии. Единственной жертвой преобразований стала кафедра истории марксизма-ленинизма. Ее закрытие в 1989 г. должно было символизировать завершение традиции.

Переименование кафедр во многих университетах было формальным, не затрагивая ни качественного, ни количественного состава подразделений. Однако оно имело большое символическое значение, поскольку требовало де-факто отказа от марксистско-ленинской философии, которую на протяжении многих лет преподавали большинству студентов. Быстрая и повсеместная смена названий кафедр и их дальнейшая унификация согласна с новой номенклатурой специальности свидетельствовали об отсутствии ресурса сопротивления процессам, которые многими воспринимались как отражение политической конъюнктуры. В этом отношении показателем истории кафедр онтологии и теории познания философского факультета Уральского государственного университета. На сайте кафедры так описаны таксономические пертурбации:

С 1985 г. кафедра диалектического материализма была несколько раз переименована. Она называлась «кафедрой систематической философии», «метафизики и теории познания» (что вызывало массу вопросов и недоумений у диалектически воспитанных умов), «теории познания, философии науки и логики» (сотрудники кафедры сочли, что при провозглашении названия тем не менее, не охватывались все основные исследовательские направления кафедры), «диалектики и теории познания» (так одно время квалифицировалась специальность ВАКа). А с 1996 г. кафедра носит свое нынешнее название: «кафедра онтологии и теории познания»³¹

Унификация переименованных кафедр, создание новых подразделений с аналогичными названиями свидетельствуют о осуществлении сильных рычагов управления профессиональным сообществом, однако в отличие от советского времени они не находят в руках партийных структур. Экстенсивный рост университетов, имеющих философские образовательные программы, может быть объясним спецификой спроса на гуманитарное

³¹ Философский факультет УГУ им. А.М. Горького. Кафедра онтологии и теории познания: история. Цит. по: <<http://philos.ispu.uftu.ru/faculty/hist/372>> (дата обращения: 01.10.2013).

Обеспечить реализацию такой потребности администрации российских вузов удалось, полагаясь, с одной стороны, на поддержку государства, с другой — средствами самих обучающихся.³² В условиях ослабления управленческого и идеологического давления конца 1980-х годов администрация вузов к созданию форм профессиональной координации, так, в 1989 г. была создана Ассоциация университетов СССР, в 1992 г. переименованная в Евразийскую ассоциацию университетов, и тогда же был учрежден Российский союз ректоров. Кроме профессиональных организаций, передачей части регулирующих полномочий университетской администрации способствовало создание в 1987 г. такого нового юридического формата в сфере образования, как «государственно-общественное объединение». В частности, была создана организация, получившая название «Учено-методическое объединение университетов СССР» (УМО университетов СССР); с 1992 г. приступило к работе Учено-методическое объединение по классическому университетскому образованию. Учреждение УМО существенно усиливало значение МПУ, так как, согласно уставу, возглавлять объединение должен ректор Московского университета, а деканы его факультетов назначаются председателями комиссии по отдельным научным направлениям. Задача комиссии УМО состояла в том, чтобы «контролировать содержание и методическое обеспечение образовательных программ».³³ Объединив свои любисткие ресурсы, университеты администрации выстроили выгодные взаимоотношения с государством, предложив новую концептуализацию крупных советских университетов, получивших название «классических университетов». Данная маркировка обеспечивала возможность получить привилегированное государственное финансирование и приобрести определенные авторитет в глазах общества и самого университета сообщество.³⁴ Усиление университетских факультетов оказало определенное влияние и на деятельность философии РАН. Интеллектуальные, институциональные и символические ресурсы института позволили с середины 1990-х годов успешно выступить на рынке академического книгоиздания и принять участие в оказании коммерчески рентабельных образовательных услуг. Так, во многом силами сотрудников Института продолжает издавать

³² Подборное о экономических механизмах: Соколов М., Волохоцкий В. Политическая экономия российского вуза // Ответственные записки. 2013. № 4 (55). <<http://www.strana-oz.ru/2013/4/politicheskaya-ekonomiya-gosyuskoego-vuza>>.

³³ Дмитриев А. Переобразование советского университета // Логос. 2013. № 1. С. 41–64; Битенко Е. А., Дмитриев А. Н. Удобрное прошлое для одной корпорации: постсоветские университеты в поисках классического статуса // Труды «Русской антропологической школы». Вып. 7. М., 2010. С. 381–396.

сы главней советский философский журнал «Вопросы философии», выходящий в последние годы в виде приложения к журналу «Историко-философский ежегодник». Сотрудникам Института удается обновлять линейку учебно-методических продуктов. Прежде всего, это четырехтомная «История философии: Запад-Россия-Восток», трехтомник «Философы двадцатого века», изданный в серии «Философские тетради», учебные пособия по философии науки. Кроме этого, под патронажем Института и ряда других учреждений РАН социогуманитарного профиля в 1992–1994 гг. был создан Государственный университет гуманитарных наук. Но поскольку образовательная деятельность явно не расматривалась академическими учебными как приоритетная (а понималась, скорее, как дополняющий источник доходов), философский факультет IVIN не смог предложить сильную образовательную программу, способную конкурировать с аналогичными программами классических университетов.

Желание большого количества вузов прикнуться к «классикам» оказало крайне выгодным для представителей философской профессии, увидевших в этом процессе потенциал для собственного роста. «Университетизация» вузов, связанная с развитием гуманитарных и общественных дисциплин, обеспечивала заинтересованность университетской администрации в открытии философских факультетов или отделений. В отсутствие четких критериев (что подчеркивает сам уставной документ, называющий их «примерными») наличие у университета лицензии на обучение по философским специальностям оказывалось значимым условием для получения статуса «классического университета»³⁵. Сами философы активно поддерживали веру в неизменность традиции и независимость положительная философия факультета в университете культуры: «Философский факультет присутствует в университете с момента его основания, т.е. с 1755 г. Иначе и не могло быть. Наличие философского факультета — это основной признак любого классического университета»³⁶, в академическом

³⁴ История философии: Запад-Россия-Восток / под общ. ред. Н.В. Мотрошиловой; в 4 т. М., 1999; Философы двадцатого века / под общ. ред. И.С. Яковинной; в 3 кн. М., 2004; Гайденок П.П. История преческой философии в ее связи с наукой. М., 2009; Эпистемология классическая и неклассическая. 2-е изд. М., 2007; Сметин В.С. Философия науки. М., 2004; Никиторов А.Л. Философия и методология науки в их истории. М., 2006; Микешина Л.А. Философия науки. М., 2005. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под общ. ред. И.Т. Касавина. М., 2010.

³⁵ Примерные критерии (признаки), определяющие высшее учебное заведение в качестве классического университета. <http://www.asut.msu.ru/members_critera.php>

³⁶ Миронов В. О леканах замовитге слово... // Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова: страницы истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 13.

Участие философов в формировании «классической» повести для российских университетов заметно не только риторически, но и организационно. При Ассоциации классических университетов России в 2007 г. была создана ассоциация философских факультетов и отделений классических университетов России. Деятельность данной организации, вступить в которую, согласно пункту 2 ее устава, могут только руководители подразделений³⁷, определяется взаимодействием с УМО по классическому университетскому образованию и состоит в работе по учебно-методическому обеспечению дисциплины. Специфика данных программных комплексов заключается в том, что содержание программ описывает некоторую область, закрепленную за соответствующей кафедрой, которая, в свою очередь, отражает предметное описание специальности. Такая авторская и деперсонифицированная нация (у этих программ нет авторства, так как они принимаются коллегиально) система порождает причудливые требования к знаниям, которые необходимо освоить студенту. Так, например, курс по социальной философии представляет не анализ конкурирующих концепций, а краткий обзор последовательных разделов, среди которых выделяются: «Социальная философия в современном мире», «Состояние и перспективы отечественной социальной философии», «Деятельность как способ существования современного человека. Социальное и природное. Феномен сознания. Труд. Пространство и время социальной деятельности», «Модели исторического процесса; историческая XX в.; актуальные проблемы исторической философии в современном мире очевидно в первую очередь авторам программ, которые наши институты несовместимы с нами, что обзор исследований литературы были занесены по разным темам. В то же время вопросом остается то, насколько востребованным вне «кафедральной науки» окажется знание, усвоенное в результате обучения по данной программе.

Понимание курсов философского факультета как детализированного изложения *целостной* концепции знания оказалось заложено в инстиципональные рамки организации философского образования. Каналы формирования и распространения учебного материала по философии, доставляе-

³⁷ Положение об ассоциации философских факультетов и отделений классических университетов России. <<http://affo.philos.msu.ru/index.php?id=362>>.

³⁸ Примерная основная образовательная программа высшего профессионального образования. Направление подготовки 030100 «Философия» утверждено приказом Минобрнауки России от 17.09.2009. № 337. ФГОС ВПО утверждён приказом Минобрнауки России от 19.05.2010. № 534.

после распада Советского Союза, бюрократы включают актуальную философию литературы, новых методик организации преподавания. Локальные та литература, на которую сылаются авторы современных учебников по философии. Она представляется тремя группами: книгами и статьями советских философов, начиная с 1970-х годов; западными работами, переводы которых изданы в конце 1980-х годов; переизданными сочинениями русских религиозных мыслителей первой половины XX в. Конечно, наличие этих программ не предполагает неукоснительного следования им. Можно предположить, что в реальной практике преподавания лишь немногие преподаватели, особенно из тех, чье профессиональное формирование пришлось на постсоветское время, придерживаются этих нормативных текстов. Преподавательская свобода, возникающая на стыке легитимной дозволенности и слабости механизмов контроля за содержанием (или качеством) преподавания, как правило, определяется квалификацией конкретного преподавателя и доступом к современной исследовательской литературе.

Реформы 1980 — начала 1990-х годов способствовали тому, что академические профессии получили больше прав и возможностей для организации профессий и институтов самоуправления. Движущими силами этого процесса выступили администраторы образования, усилиями которых стал возможен экстенсивный рост академических профессонов. Такой путь развития профессии вызвал ряд проблем, связанных с недоверием к имеющимся институтам саморегулирования, и поставил вопрос о профессиональной идентичности.

3. Травматизм исторического опыта и сила профессионалов

Многочисленные переименования кафедр практически во всех университетах в начале 1990-х годов общеизвестны. Привычность этого знания оставляет непроблематизированными причины и следствия этого явления, очевидно, связанного с пониманием специфики профессии, а не только с изменившейся политико-идеологической конъюнктурой. Травматический опыт кажется столь глубоким и бюрократизирующим всякую рефлексию, что сейчас сложно представить даже сам факт дискуссии о профессиональных поступках советских философов 1950–1980-х годов в этических категориях, наподобие также весьма болезненных дискуссий среди европейских интеллектуалов после 1960-х годов. Сместившем за пределы характерное для отечественного академического пеха стремление к созданию и утверждению бесконфликтной, парадной истории российских

39. Официальное самописание истории конкретных философов: софских философов является частью этого явления. Тексты такого рода можно встретить не только в буклетах, выпущенных по случаю юбилеев, но и на сайтах кафедр и факультетов. Если в случае Московского и Санкт-Петербургского университетов философии факультеты берут свое начало с момента основания университетов, то в отношении некоторых кафедр прослежена преемственность с советской кафедральной системой. Например, по заверению авторов текста сайта философского факультета МГУ, кафедра социальной философии была создана в 1991 г. Это «позволило организовать чтение полноценного академического курса социальной теории, свободного от догматической предвзятости прежних лет». Однако уже в следующем абзаце утверждается, что «предшественницей кафедры социальной философии на философском факультете была кафедра истории философского материализма, образованная в 1960 г.», а продолжив чтение, можно узнать, что «в 2000 г. кафедра торжественно отмечает 40-летие. За эти годы подготовлено значительное число научных сотрудников и преподавателей высшей квалификации»⁴⁰. Историческое описание кафедр онтологии и теории познания Уральского государственного университета начинается с заявления, что «кафедра является "прямой наследницей" кафедры диалектического материализма, которая была ведущей кафедрой философского факультета с момента его создания»⁴¹. Обращают на себя внимание метаморфозы преемственности кафедры социальной философии Санкт-Петербургского университета: «Осмыслена историко-кафедральная традиция ее 40-летия, сотрудники кафедры вовсе не полагают, что ее советский период был какой-то "черной дырой": И тогда велась серьезная и интересная работа, хотя и в организованных идеологических рамках. Теперь все более приходит понимание, что в качестве идейных предтеч кафедры оказываются Семён Людвигович Франк (его работа "Духовные основы общества" и сегодня изучается студентами) и Сергей Иосифович Лесен. В "Педагогике" после него содержится много существенных социально-философских идей. Его педагогика, по существу, и есть социальная философия»⁴².
- 39 Исследование исторической репрезентации российских университетов в XIX и XX вв. см.: Сосние русских профессоров: создатели статусов и смыслов / под науч. ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2013. С. 61–95.
- 40 Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Кафедра социальной философии: история. Лит. по: <<http://new.philos.msu.ru/kaf/socsrnl/about/>> (дата обращения: 01.10.2013).
- 41 Философский факультет МГУ им. А.М. Горького. Кафедра онтологии и теории познания: история. Лит. по: <<http://philos.ispn.ufrtu.ru/faculty/hist/372>> (дата обращения: 01.10.2013).
- 42 Философский факультет СПбГУ. Кафедра социальной философии и философии истории: краткая историческая справка. Лит. по: <<http://philosophy.spbu.ru/128>> (дата обращения: 01.10.2013).

Картины прошлого развития философских кафедр, представляемые на официальных сайтах этих подразделений, показывают проблематичность историко-философской экспертизы. История философии, несмотря на кажущуюся резистентность к идеологическому воздействию, уже в советский период имела специфическую дисциплинарную конструкцию⁴³. В постсоветский период «историзация» философии становится одной из доминирующих тенденций⁴⁴. Однако повышенный интерес к историко-философскому анализу не свидетельствует о нормализации дисциплины, скорее, наоборот, демонстрирует проблематичность появления новых исследовательских программ в постсоветской университетской философии⁴⁵.

Наложение риторических и институциональных моделей воспроизводства историко-философского знания, сложившихся в советское время, на желание реактуализировать свою науку в новом политическом контексте отчетливо проявилось в исследованиях по истории русской философии, вышедших собою, по заявлению Коре Мьёра, пример «культурного национализма в академической среде»⁴⁶. Проблематичность тематики «советской философии» в историко-философском плане демонстрирует, например, Михаил Немцев (представитель младшей академической генерации), утверждая, что «в контексте всемирной философии, наиболее важная тема истории философии в СССР — это то, что в ней было несветского»⁴⁷. При такой постановке вопроса «советскость» лишь указывает на принадлежность к определенному периоду времени, но уже не выступает качеством новой характеристикой отечественной философии недавнего прошлого. На возможности отделить «тематиков и приспособленцев» от «выдающихся умов, ярких личностей, связанных с культурой России и культурой

⁴³ Zweigle E. v. d. Soviet Historiography of Philosophy: Istortiko-filosofskaja nauka. Dordrecht, 1997.

⁴⁴ Анализ диссертационных работ, защитивших в период 1994–2006 гг., проведенный В.А. Куренной и А.А. Веретенниковым, показывает, что специализация «Социальная философия» (09.00.11) пользовалась наибольшей популярностью. По ней защитились более 3500 соискателей, с большим отрывом затем следуют «Онтология и теория познания» (09.00.01) и «История философии» (09.00.03); по этим специализациям присуждено чуть более 1400 и чуть более 1300 степеней соответственно (Куренной В.А., Веретенников А.А. Современная российская история философии // Логос. 2013. № 6). Результаты исследования были представлены на семинаре «Философия как профессия» 22 ноября 2013 г. в НИУ ВШЭ.

⁴⁵ Куренной В.А. Заметки о некоторых проблемах современной отечественной истории философии // Логос. 2004. № 3–4 (43). С. 3–29.

⁴⁶ Mjor K.J. A Past of One's Own: The Post-Soviet Historiography of Russian Philosophy // Ab Imperio. 2013. No. 3. P. 315–350.

⁴⁷ Немцев М. Философия в СССР как предмет и тема истории философии // Идеи и идеалы. 2012. № 3 (5). С. 5–17.

мировой, с гуманитарным и естественно-научным знанием», строит свою интерпретационную схему философии советского периода В.А. Лекторский, являющийся с конца 1970-х годов одной из ключевых фигур философского поля⁴⁸. Стратегия выведения из компрометирующего контекста значимых фигур советской философии реализовалась в издательской серии «Философия России второй половины XX века»⁴⁹. Каждая книга 30-томной серии представляет собой публикацию текстов того или иного философа и воспоминаний его близких коллег, выдержанных в торжественно-мемориальном стиле. «Прямая речь» центральных участников философских дискуссий 1960–1980 гг. создает ощущение достоверности и самоостаточно-сти нарратива. Непосредственность переживаемого опыта и неразвитость теоретического аппарата⁵⁰, способного выстраивать исследовательскую дистанцию, заметны в большинстве этих работ, авторы которых стремились переключить внимание с патетики «большой» национальной истории философии на историю локальных интеллектуальных сообществ. Лафосом методического и тематического обновления подходов к истории советской и постсоветской философии проникнут целый ряд работ, изданных в 2000-е годы⁵¹.

Очевидные несоответствия, присутствующие в этих публичных презентациях, связаны не только с «близорукостью» сообщества, но и с недоверием к его конституирующим нормам. Один из самых ярких текстов, демонстрирующих такое недоверие, был опубликован в журнале «Новое литературное обозрение» (2013, № 113 (1)). Статья сотрудника Санкт-Петербургского университета А. Малинова и С. Троицкого «Русская философия: от неоплатонизма до постструктурализма» (2013, № 7, с. 3–11, *Лекторский В.А.* О философии России второй половины XX в. // Вопросы философии. 2009, № 7, с. 3–11.

⁴⁹ Издание серии осуществляется при поддержке фонда «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого». Данный фонд, названный в честь советского философа Г.П. Щедровицкого, организован его сыном, видным администратором и политическим консультантом, с 2008 г. занимающим должность заместителя директора Института философии РАН по научной работе.

⁵⁰ Понятную попытку осмысления современной философской практики и статуса профессии на уровне философа представляет работа: *Виктов А.* Философское достоинство как объект исследования // *Логос*. 2004, № 3–4 (43), с. 30–60.

⁵¹ Прежде всего, здесь стоит отметить монографию профессора Ульяновского университета Наталии Баранец (*Баранец Н.Г.* Метафоры эпохи российского философского сообщества в XX веке: в 2 ч. Ч. 2. Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2008), книгу сотрудника Кемеровского университета Владимира Краскова (*Красков В.И.* Социальные сети русской философии М.: Водлей, 2011) и работу доцента Санкт-Петербургского университета Вадима Семенкова (*Семенов В.В.* Философское знание. Модусы производства и признания. СПб.: Алетейя, 2011).

софия под запретом («90-летию «философского парохода»)» рассматривает историю русской философии через призму репрессивных действий со стороны государства по отношению к сообществу философов. Рассказ о запретах в философии проходит на фоне утверждения принципиальной неэффективности универсальной философии. Историки русской философии постулируют противопоставление «настоящей» философии социальной успеху, связываемому с професорской должностью: «Философская бездарность и социальный успех — явления почти синонимические. Социальная система профессиональной философии в этом плане работает безотказно. Для своего устойчивого существования она нуждается в преобладании посредственности, а клановые и корпоративные интересы окончателно замораживают ее в состоянии полной неподвижности и умственной апатии»³². Декларация антагонизма между исследующим и преподающим философом (или, даже шире, ученым) и академическим менеджером (или шире, бюрократией) фактически означает признание принципиальной невозможности универсальной автономии. Столь сильное недоверие представителей профессии к своим же институтам профессионализма дает маловероятным прототипам приготовления принципов, на которых может быть организовано продуктивное взаимодействие между разными группами университетского сообщества.

Система академической периодики, которая в России явно не вытесняет функции внутрипрофессиональной рефлексии, все же остается важным каналом академической коммуникации и распределения престижа. Введение так называемого ВАКовского списка журналов, утвержденного высшей аттестационной комиссией (ВАК), вызвало всеобщее раздражение и критику. Нововведение имело целью посредством публикационного пресинга осуществлять внешнее управленческое воздействие на «свободных профессионалов». Технологические требования к журналам, обвязывающие предоставлять возможность доступа к полнотекстовым версиям журнальных статей, сделали видимость квалификации профессионалов, ассоциировать себя с которыми многие представлятели дисциплины не желали. Увеличивающееся по требованию ВАКа количество публикаций в журналах из ВАКовского списка, необходимое для защиты диссертаций, привело к стремительному росту гуманитарной периодики, тогда как число призначенных по гамбургскому счету «сильных» журналов практически не изменилось, что само по себе свидетельствовало об ограничении научного потенциала профессии.

³² Матинев А. В., Троицкий С. А. Русская философия под запретом (к 90-летию «философского парохода») // Новое литературное обозрение. 2013. № 119. С. 53–66.

Вспоминание о невзгодах и великих победах позволяет сохранить про-
фессионалам статус-кво. Позиция университетских философов претстав-
ляет смешение двух стратегий поведения — лояльности и саботажа⁵³. Имен-
но такое, до конца не проявленное, поведение, оказывается выгодным для
существования в условиях профессии, правила которой задаются внешней
инстанцией. Отсутствие сильных репутационных механизмов оказывается
выгодным профессиональному большинству, которое не могло бы расчи-
тывать на высокие позиции в такого рода ранжировании. Дилемма про-
фессионализма состоит в том, что лояльность к сложившимся институтам
философского профессионализма в перспективе приводит к замыканию и
локализации философского знания, к потере связи с другими дисциплина-
ми и утрате возможности соотноситься с (интер)национальными философ-
скими традициями других стран. В то же время сопротивление стратегиче-
ски подверженным иерархиям или сложившимся нормам кажется стратеги-
ей, мало оправданной с профессиональной точки зрения. Стремление пой-
ти против сложившихся в своем цехе норм предует уверенности в области
ни существованием интеллектуальным и организационным ресурсам.

Вспоминание о невзгодах и великих победах позволяет сохранить про-
фессионалам статус-кво. Позиция университетских философов претстав-
ляет смешение двух стратегий поведения — лояльности и саботажа⁵³. Имен-
но такое, до конца не проявленное, поведение, оказывается выгодным для
существования в условиях профессии, правила которой задаются внешней
инстанцией. Отсутствие сильных репутационных механизмов оказывается
выгодным профессиональному большинству, которое не могло бы расчи-
тывать на высокие позиции в такого рода ранжировании. Дилемма про-
фессионализма состоит в том, что лояльность к сложившимся институтам
философского профессионализма в перспективе приводит к замыканию и
локализации философского знания, к потере связи с другими дисциплина-
ми и утрате возможности соотноситься с (интер)национальными философ-
скими традициями других стран. В то же время сопротивление стратегиче-
ски подверженным иерархиям или сложившимся нормам кажется стратеги-
ей, мало оправданной с профессиональной точки зрения. Стремление пой-
ти против сложившихся в своем цехе норм предует уверенности в области
ни существованием интеллектуальным и организационным ресурсам.

* * *